

Аркадий Аверченко

РАССКАЗЫ
ДЛЯ
ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХ

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А19

Аверченко, А.

А19 Рассказы для выздоравливающих / А. Аверченко. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 216 с.

ISBN 978-5-521-77894-2

Аркадий Аверченко (1881–1925) — прославленный писатель-сатирик, драматург, театральный критик и редактор знаменитых периодических изданий «Сатирикон» и «Новый Сатирикон».

В предисловии к сборнику писатель отмечает, что существует две категории людей в литературе: «здоровые» и «больные», — но нет ни одного автора, описывающего современную категорию «выздоровливающих». Позитивный взгляд Аверченко, лёгкая манера повествования и прекрасное чувство юмора не оставят равнодушным ни одного читателя.

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
СЕРДЕЧНЫЕ ДЕЛА	
ФИЛИМОНА БУЗЫКИНА.....	7
ПРЕСТУПЛЕНИЕ	
АКТРИСЫ МАРЫСЬКИНОЙ.....	16
ЧЕЛОВЕК, У КОТОРОГО БЫЛИ ИДЕИ.....	24
ТРИ ВИЗИТА	32
ЗЕРКАЛЬНАЯ ДУША.....	49
СЕРДЦЕ ПОД СКАЛЬПЕЛЕМ.....	56
СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ	72
РУСАЛКА.....	82
РУКОВОДСТВО ДЛЯ ЛЕНТЯЕВ.....	93
ЛОЖНОЕ САМОЛЮБИЕ.....	99
ДУША ОБЩЕСТВА.....	107
СЛЕПЦЫ	114
Я В СВЕТЕ.....	121
ОДУРАЧЕННЫЙ ХИРОМАНТ.....	131
ВОЛЧЬЯ ШУБА	139
ПОСЛЕДНИЙ	147

РАЗУМНАЯ ЭКОНОМИЯ	156
МЕДИЦИНА.....	163
МОТЫЛЬКИ НА СВЕЧКЕ	171
ДЬЯВОЛЬСКИЕ КОЗНИ	180
ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА	189
КОНЕЦ ГРАФА ЗВЕНИГОРОДЦЕВА	196
ОПОРА ПОРЯДКА.....	203
КУПАЛЬЩИК	212

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очень, очень трудно писать предисловия. Всегда почти содержание предисловия сбивается на извинение: «простите, мол, меня, что я выпускаю книжку. Выпускаю я ее потому-то и потому-то, и больше не буду». Я в своем предисловии к этой книжке постараюсь быть оригинальным — извиняться и оправдываться не буду. «Да, выпустил книжку. Что ж из этого? Чуткий человек всегда поймет меня и оправдает».

Почему я выпустил эту книгу?

Обратили ли вы внимание, читатель, что у нас вся современная литература резко разделяется на две категории:

а) Книги для здоровых

и

б) Книги для больных.

Для первой категории писали раньше, для второй пишут теперь. Но нет ни одной книги, которая обслуживала бы третью категорию: выздоравливающих. А это самая прекрасная, самая симпатичная категория.

Когда человек после долгой, тяжелой болезни раскрывает впервые глаза и почувствует, что из открытого окна вместе с запахом сирени и гамом бодрого города в него чудесной вольной струей врывается новая жизнь и силы, — такому больному хочется всего помногу. Он хочет много есть, много пить, слушать много музыки и много смеяться. Рожденный снова на свет со свежими, обостренными чувствами, он жадно и весело впи-

тывает в себя, как губка, все, что окружает его. Все должно сверкать, шуметь, искриться, всего должно быть помногу — много яичницы, много бифштексов, много укрепляющего красного вина.

И если он захочет читать — книга должна быть такая же, в ней он ищет много шума, веселья, беззаботности, бодрости и молодой дерзновенной силы.

И вот я хочу своей книгой по мере сил послужить чудесному, прекрасному народу — выздоравливающим.

Да не подумает наивный читатель, что только для человека в больничном халате, с исхудалым лицом и сверкающими глазами написана эта книга. Недоставало бы в таком случае к книге приклеить этикетку с сакраментальной надписью: «Перед употреблением взбалтывать!»

Нет! Автор размахивается шире: вся Россия была больна и вся Россия выздоравливает — что бы там ни говорили бескровные нытики и рахитичные слизняки, с испуганными лицами поверженные в прах обыкновенным городовым с ближайшего перекрестка...

Свежая кровь со свежей энергией переливается в освеженных жилах — да здравствуют выздоравливающие!

Вот почему, для чего и для кого я написал эту книгу. Больше я этого никогда не еде... Впрочем, однако, я собирался быть оригинальным...

Как трудно писать предисловия!

Аркадий Аверченко

СЕРДЕЧНЫЕ ДЕЛА ФИЛИМОНА БУЗЫКИНА

Вышеназванный молодой человек восхищал меня тем, что его внутренние свойства строго гармонизировались с его наружностью. Ввиду этого, я полагаю, будет достаточно одного наружного осмотра этого увлекательного малого, чтобы составить себе мнение о его духовной стороне.

Маленькое толстое туловище с трудом поддерживалось тонкими ногами, которые, изнемогая от наваленного на них груза, покривились и образовали нечто вроде овальной рамки для зеркала; носки сапог не отворачивались друг от друга с пренебрежением, как у других людей, а, наоборот, стремились дружески сблизиться, подавая тем благой пример враждующим пяткам... Руки хотя и казались короткими, но зато кисти их были так красны, что это могло утешить самого взыскательного человека. Круглая жирная голова, украшенная парой повисших ушей — двух печальных флагов в дождливую погоду, — плотно и несокрушимо сидела на массивных плечах. Лицо заплывало целым морем жира, и несчастные маленькие глазки захлебывались и тонули в этом море, несмотря на то, что сердобольная рука окулиста бросала им пару спасательных кругов — громадные черные очки.

Таков Филимон Бузыкин — оптовый торговец кишками и бычачьими шкурами. Наше странное знакомство началось с деловых встреч в конторе транспортного общества, через которое он отправлял за границу

бочки с кишками, а я в качестве конторщика этого общества писал ему коносаменты и накладные.

Я привык видеть его озабоченным, деловым, вечно кланчащим каких-нибудь уступок и послаблений и поэтому был однажды чрезвычайно удивлен его легкомысленным неделовым видом. Он явился ко мне домой в воскресенье в отвратительном сюртуке и сером галстуке, который больше походил на петлю удавленника.

— Что это вы?! — спросил я.

— Да вот к вам. Вы, вероятно, сведущи в этих делах — так я и пришел... Хи-хи.

— В каких делах?

— В этих...

Он встал, подошел ко мне и неуклюже пощекотал пальцем у меня под мышкой.

— Что вам нужно? — с легкой тревогой спросил я.

— Видите ли что, мой друг...

Губы его раздвинулись в широкую улыбку, жир выступил из берегов и совершенно затопил глазные участки; глазки захлебнулись и пошли ко дну, хотя два черных спасательных круга и плавали на поверхности лица.

— Видите ли что... Я знаю, вы сведущи в этих делах...

— В каких же?!

— В любовных. Нужно вам сказать, что я до сих пор занимался только делом. Дело, и только дело! — таков мой девиз. Но, знаете, сердце, в конце концов, просит другого, и я вздумал немного пошалить с бабёночками.

— Дело хорошее! — серьезно сказал я.

— Не так ли?! Я хотя делишек с женщинами не имел, но повадку их знаю. Ведь стоит только подмигнуть хорошенько бабе — она и побежит за вами.

— Да уж... женщин на это взять.

— Говорят, некоторые женщины добродетельны, но я в это не верю. А?

— Сказки! — горячо сказал я. — Все они хороши до первой интрижки.

— О, неужели все? И даже самые интеллигентные?

— Да при чем тут интеллигентность?

— Это, положим, верно.

Бузыкин повеселел.

— Хе-хе... Выходит, значит, что всякую женщину можно при желании соблазнить.

— Всякую, — твердо сказал я.

— И я так думаю. Вот только насчет способов, как говорится, я слаб. Практики не было. Вот — хи-хи — и зашел к вам...

— Какие там способы, — пожал я плечами. — С ними ведь очень простое обхождение: понравилась — сейчас хватай за руку, потом за талию, пара горячих поцелуев — и она ваша.

— Вот это по-моему. Ну, а если она обидится?

— На одного обидится, а на другого и не обидится.

Он задумчиво вытянул губы и потом, с трудом прищурясь, спросил:

— А на меня... как вы полагаете? Хе-хе! Не обидится?

— На вас? Конечно, нет. Да чего ей и нужно: молодой, красивый.

— Тридцать два года! — отрывисто сказал Бузыкин. — Все зубы, хороший цвет лица. Когда прохожу по улице — все оборачиваются.

— Да и неудивительно, — согласился я. — На примете есть кто-нибудь?

— Из бабенок?

— Да!

— Есть тут одна — жена адвоката Медляева, может знаете?

— Ого! Вы, однако, молодец! Она, говорят, красавица. Так и надо: уж если заниматься этим делом, так брать самое лучшее!

— А вы как же думаете? Хи-хи. Филимон Бузыкин еще себя покажет. Я, миленький мой, тоже не дурак.

— Вот женщины таких и любят — смелых, решительных... Вы составили себе какой-нибудь план?

— За этим-то я и пришел. Дело в том, что она каждое утро до обеда прогуливается в городском саду. Вот через полчаса она уже придет. Но как к ней подъехать — вот вопрос. Главное — начать, потом-то я пойду как по маслу.

— И вы еще раздумываете! — всплеснул я руками. — Молодой, интересный, кровь с молоком, знающий женщин как свои пять пальцев! Да просто подходите, берите за руку — и готово.

— И она не удивится, не испугается?

— Ни капельки. Оне к этому привыкли.

— О? Ну и проклятое бабье. Вот-то мужьям, я думаю, обидно?

— А вам-то что? Не думаете же вы жениться?